

Владимир Германович Тан-Богораз

Автобиография написана 20 мая 1926 г. в Ленинграде.

Оригинал здесь: "[Народная Воля](#)".

Я родился в апреле 1865 г., точного дня не знаю, возможно, что 15-го, в маленьком гор. Овруче, в глуши Волынского полесья. По бумагам же моим значилось, однако, что я рожден в Мариуполе в 1862 г. Вышло это потому, что, будучи 7 лет, я стал надоедать своему отцу, чтобы меня отдали в гимназию, т. е. читать я, кажется, научился тогда же, когда начал ходить. Потом подучился и арифметике. Мы жили в Таганроге, отец съездил в Мариуполь и привез метрическое свидетельство подходящего характера. Мать моя была купеческой семьи из города Бара Подольской губ. А отец был из семьи раввинской. Он и сам в колебаниях своей неверной фортуны был в городе Тифлисе "данном",--ученым экспертом, разумеется, ученым по части еврейских обрядов. Впрочем, по внешнему виду он не был похож на ученого. Был он мужчина огромного роста и силы, фигурой весьма походил на великого Петра, как его рисуют на портретах, в отличие от большинства евреев выпить мог бесконечно много, но никогда не пьянел. И когда разойдется и захочет показать удаль, подойдет к лошади и поднимет ее за передние ноги. А мать моя была маленькая, шустрая, вертлявая. И из такого смешения крайностей мы, дети, все вышли как-то ни два, ни полтора. Было нас 8 человек, теперь в живых остается пятеро. Способности у отца были прекрасные, чудесная память. Библию и свои талмудические книги он знал наизусть--"на острие шила",--это означает вот что: надо взять острое шило и проткнуть им открытую страниц на полсотни в глубину, и потом указать наизусть--какие именно места и фразы проколоты. Был он также весьма музыкален, пел приятным тенором и в трудные минуты своей последующей своей карьеры неоднократно служил в синагогах хазаном,--певцом. Кроме того, у него была определенная склонность к литературе, и он довольно много писал по-древнееврейски, по-новоеврейски и даже кое-что напечатал.

Эти таланты мы, его дети, унаследовали частями, в разбивку. Младшие сестры учись в консерватории и старались выйти в певицы. Впрочем, по окончании курса, как смеялся отец, бросили курсы и открыли домашнюю фабрику для изготовления детей. т.е. просто вышли замуж. А я унаследовал вкус к литературе. Что же касается памяти, то ею отец наделил нас всех поровну. Отец с матерью женились рано. Нас, детей, было трое, а отцу только что исполнилось 20 лет. Жили они в этом глухом городишке и бедно, и скучно. Недолго думая, отец взял и махнул в Новороссию, где в то время было легко устроиться. Часть дороги проехал с обозами, часть просто прошел пешком. И так очутился в Таганроге, за две тысячи верст от своего родного Овруча. Года через полтора переехала и семья. В то время Таганрог был город жирный. С одной стороны, вывоз прекрасной пшеницы, а с другой стороны--ввоз контрабанды огромных размеров, организованный Вальяно, греческим купцом, прямо через таможенную, при участии таможенных властей. Отец перепробовал множество карьер,--торговал пшеницей и углем, участвовал также в контрабандном предприятии Вальяно и К[®]. Но деньги у него не держались,--был он азартный картежный игрок,--что заработает--спустит. А не то купит большие зеркала, золоченую мебель, а еще через полгода, глядишь, и полтинника нет, чтобы сходить на базар. Впрочем, в то время в Таганроге жилось и дешево, и сытно, Так что голодать мы никогда не голодали. К тому же мы, дети, рано начали давать уроки. Я стал давать уроки с 3-го класса, т.е. с 10-ти лет. Ученики мои были верзилы "грекосы-пендосы". Еще казаки - куркули, армяне, караимы. Иной разозлится верзила, схватит учительшку за шиворот и поднимет на воздух. Я, впрочем, свирепо отбивался,-- лягался и кусался. Нравы в Таганроге были степные,--суровые. Мы, гимназисты, дрались жестоко с уездниками, бились на кулачки, ходили стена на стену. Они нас называли "дришпаки": ужасное слово, что оно, собственно, значит, было неизвестно, но это тем хуже. Учился я легко. Во-первых, вывозила память, а во-вторых, гимназия была либеральная,--требовали мало, а знали

и того меньше. Правда, потом нам назначили директором толстого немца Эдмунда Адольфовича Рейтлингера. Мы называли его уменьшительно: Мудя. Был он российский патриот, такой завзятый, какими в то время бывали лишь русские немцы. Но особой обиды мы от него не видали. Положим, инспектором был Николай Федорович Дьяконов,--тот самый чорт собачий, которого потом Чехов описал в виде "человека в футляре". А другому учителю, чеху Урбану, мы взорвали квартиру, подложили ему бомбу под крыльцо. Было это уже в восьмидесятых годах. Бомбу мы сделали из лампового шара, медного с нарезкой, начинку--из солдатского пороха. Ничего не разворотили полдома. Ранить никого не ранили. Только Урбана напугали чуть не до смерти. Если кто спросит, зачем же мы взорвали чеха, могу пояснить, что латинские и греческие учительные чехи въедались в гимназическую печень хуже, чем орел Прометею. Эту породу когда-то описал Боборыкин в своей повести "Пан Цыбулька". Вот когда началось